

Глава 5: Деревенский олень

На следующий день после завтрака дедушка Цай надел на Лу Жуна перчатки, шапку и шарф, прежде чем помочь ему сесть в плетеный из бамбука рюкзак. К его ногам был прижат сверток похожий на голубой цветочек, в котором лежала дюжина сваренных вкрутую яиц.

Дедушка Цай принес Лу Жуна ко входу в деревню, группа детей собралась вокруг и задавала вопросы, следуя за ними всю дорогу. Когда они добрались до того места, где вчера он встретил большую черную собаку, Лу Жун не смог удержаться, чтобы не схватить трость обеими руками и не высунуть голову, чтобы прошептать предупреждение на ухо дедушке Цаю.

“Дедушка, здесь большая собака”.

Это был второй раз, когда он заговорил за все время. Дедушка Цай замер, улыбнулся и сказал: “Не волнуйся, дедушка не боится больших собак”.

После сказанного Лу Жун все еще немного беспокойно оглядывался по сторонам, но, к счастью, больше не видел большого черного пса.

Подошел мужчина и обменялся любезностями с дедушкой Цаем, зная, что тот хочет спуститься с горы, он поспешно остановился, сказав, что дорога на перевале впереди обвалилась, и что дорожная бригада не может проехать, а люди не могут спуститься с горы.

Дождавшись, пока этот человек уйдет, дедушка Цай повернулся и спросил Лу Жуна: “Жун-Жун, если мы не сможем спуститься с горы, что ты хочешь сделать?”

Видя, что Лу Жун не издал ни звука, он добавил: “Дедушка отведет тебя посмотреть”.

Лу Жуна перенесли с проселочной дороги на шоссе, и они шли недолго, когда он увидел, что весь участок дороги впереди обрушился, разбитый на длинном участке; очевидно, они не могли пройти.

Дедушка Цай стоял неподалеку и спросил Лу Жуна: “Мы не можем пройти. Мы можем найти твоих родителей чуть позже?”

Лу Жун пробормотал, что у него нет родителей, поэтому дедушка Цай снова спросил: “Когда дорога будет открыта, мы сможем спуститься с горы, но пока ты поживешь с дедушкой несколько дней?”

Дедушка Цай подождал несколько секунд, а затем услышал позади себя тихое “Ммм”.

“Какой хороший мальчик,” — он рассмеялся.

На обратном пути дедушка Цай дразнил Лу Жуна, который обвился руками вокруг его шеи и начал говорить все больше и больше слов.

“Я боюсь, что учитель не даст мне красный цветок,” — его голос все еще был тихим и шепчущим.

“Что?” — Дедушка Цай пропустил мимо ушей то, что он сказал.

“Я сегодня снова не пошел в садик, и учитель будет меня ругать,” — Лу Жун был немного напуган этой мыслью.

Дедушка Цай рассмеялся: “Не бойся. Когда ты придешь домой, учитель точно не будет тебя ругать”.

Лу Жун был перебит, наконец через некоторое время, он сказал: “Но у меня нет дома, а Ван Ту не позволит мне вернуться”.

“Кто такой Ван Ту?”

“Он мой брат”.

“А как насчет твоих родителей?”

“У меня нет мамы и папы. Ван Ту сказал, что они на небесах, а у меня есть дядя Бай.”

Лу Жун был воспитан Ван Ту на этой вилле и никогда не видел посторонних, но бывали случаи, когда он просыпался посреди ночи и обнаруживал высокого дядю, сидящего рядом с его кроватью, наклонившегося и смотрящего на него.

Время от времени он попадал в ловушку кошмара и не мог из него выбраться. Но он совсем не паниковал, потому что дядя всегда появлялся в его снах, ведя его вперед.

Пока он шел, сон тоже передвигался. Обычно он открывал глаза и некоторое время, сдерживал желание, чтобы не назвать человека, сидящего у его кровати: “Папа”.

“Ван Ту — это человек, которого я послал позаботиться о тебе, и он будет присматривать за тобой, пока ты растешь, я буду часто навещать тебя.”

Но дядя Бай приходил редко, поэтому Лу Жун был напуган и счастлив, когда проснулся ото сна, потому что смог увидеть дядю Бая. Ему было немного грустно, думая, что дядя Бай, возможно, не знает, что он здесь, и что он не сможет найти его в следующий раз, когда ему

приснится сон?

Дедушка Цай некоторое время молчал, потом остановился и спросил: “Жун-Жун, где Гао Чен нашел тебя? Человек, который привел тебя сюда... откуда он тебя забрал?”

” С улицы”.

“А ты знаешь, как называется это место?”

“Улица”.

Дедушка Цай снова спросил: “А где ты был до того, как Гао Ченган забрал тебя?”

“Я был в мусорном баке”. Лу Жун оперся рукой о край ротанга, еще больше расстроившись, когда подумал о дяде Бае. Он не хотел, чтобы дедушка продолжал спрашивать, ему хотелось плакать, но, к счастью, дедушка действительно больше не спрашивал его ни о чем.

Серый заяц появился в снегу у дороги, трепеща ушами и замерев на месте.

Лу Жун посмотрел на зайца со слезами на глазах и проследил, как тот ускакал прочь, как будто снова забыл о своей грусти.

“Это заяц”. Он не смог удержаться и объяснил дедушке своим детским голоском.

“Заяц? Ух ты! Жун-Жун так хорош, опознал зайца”.

Лу Жун сказал: “Зайцы любят морковь и капусту, и у них красные глаза”.

Дедушка Цай поставил свой рюкзак, поставил его на землю, осмотрел красные глаза ребенка, похлопал по спине руками и сказал: “У кроликов красные глаза, и они не только едят морковь и капусту, но и любят яйца”.

Когда дедушка Цай отнес Лу Жуна обратно в деревню, дети взволнованно собрались вокруг и окружили их, как звезды.

Дедушка Цай по пути объяснял любопытствующим взрослым: “Дорога обвалилась, и мы не смогли спуститься с горы”.

Взрослые засмеялись и сказали: “Дядя Цай, ты все равно один, так что пусть этот ребенок побудет с тобой еще несколько дней”.

Дедушка Цай пошел в сельскую управу, развел огонь в маленькой железной печке, усадил рядом с ней Лу Жуна и похлопал по головке микрофона, накрытого красной тканью на длинном столе: "Привет, привет, привет..."

Лу Жун услышал далекое эхо снаружи: "Привет, привет, привет..."

"Ах, у меня есть уведомление. Дорога обрушилась, и ее преграждают камни. Машины не могут проехать, и никто не должен спускаться с горы в течение следующих двух дней. И наша деревня действительно столкнулась с проблемой покупки детей. В 19:00 каждая семья должна отправить человека в сельсовет для проведения собрания..."

Лу Жун прислушался и протянул руку, чтобы погреться у огня, и из открытого дверного проема он увидел, как несколько шариков пуха покатались наружу.

Это были те самые маленькие желтые щенки, которых он видел вчера. Он самонадеянно встал и направился к двери, держась за край пальто дедушки Цая и делая вид, что ему все равно, когда он выглянул наружу.

Когда большая желтая собака повернула голову, он поспешно отпрянул назад, подождал секунд десять или около того, а затем снова посмотрел на щенков.

"...Тот, у кого есть новости о том, что Гао Чен скрыл от общественности, будет заперт на складе и отправлен в полицейский участок, когда дорога будет открыта!" Дедушка Цай внезапно повысил громкость строгим тоном, и громкоговоритель, установленный на высоком дереве, последовал его примеру, а щенки задрожали от страха и в панике побежали к большой собаке.

Лу Жун пристально наблюдал за происходящим.

Закончив свою речь по громкоговорителю, дедушка Кай запер дверь деревенского совета, взял на руки Лу Жуна и направился к киоску на въезде в деревню.

"Ли Чжэн, принеси мне две пары носков для маленького мальчика, чем толще, тем лучше".

"Ты несешь этого ребенка на спине? Он такой маленький, ростом всего с маленькую девочку."

"Тогда я возьму одежду для девочки, пригодную для носки обуви, и еще нужна детская зубная щетка".

Вечером, вымыв ноги, Лу Жун переоделся в пару розовых носков с желтыми цветами.

Посмотрев некоторое время мультфильмы по черно-белому телевизору, он лег спать, хотя ему

не очень хотелось спать, поэтому он не заснул не так быстро, как прошлой ночью, и начал думать о Ван Ту.

Немного подумав, он забился под одеяло и тихо заплакал, уткнувшись мокрым лицом в подушку.

Лу Жун услышал голос бабушки: "Хороший мальчик, спи спокойно, когда дорога будет отремонтирована, мы спустимся с горы".

Теплая, грубая рука легко легла на его тело, и с чувством безопасности Лу Жун постепенно смахнул слезы, ошеломленный и сонный.

"Почеши меня за ухом". Он невнятно произносил слова, когда засыпал.

Бабушка Цай начал нежно гладить его маленькие ушки.

"Немного ниже, и почеши мне спину," — он тихо хмыкнул.

Бабушка Цай почесал спину сквозь пижаму.

Лу Жун засунул большой палец в рот и пососал его, но бабушка Цай вынул его, и он продолжал посасывать, его рот двигался, втягивал воздух, пока, наконец, не заснул.

...

Лу Жун помнил, как спал в постели, но, когда он сознательно открыл глаза, перед ним была пустая улица с закрытыми магазинами по обе стороны и холодным белым снегом в лунном свете.

Вокруг была тишина, никого и ни звука, темнота вдалеке с неясными очертаниями домов, холодная и безмолвная. Он не паниковал, не кричал и не плакал, только смотрел на все сверху вниз. Когда он увидел, что на нем та же одежда, которая была на нем, когда он засыпал, он понял, что ему снова снится сон.

Сколько он себя помнил, он несколько раз отправлялся в странные места во сне. Он бродил по запутанным переулкам, всегда не в силах найти выход, и никого не мог встретить. Некоторое время он не мог ходить, а потом начинал волноваться и тихонько плакать, и, наконец, громко звал Брата Ту.

Но дядя Бай всегда появлялся во сне в нужное время, вел его в нужном направлении, говорил ему не бояться, просто искать свет, тогда он найдет выход.

Но сегодняшний сон был не с дядей Баем, а только с ним самим, поэтому он немного запаниковал. Некоторое время он стоял на месте, чувствуя сильный холод, он свернулся калачиком на холодной земле.

Бесшумно Лу Жун исчез с улицы, и на том месте, где он когда-то был, возник маленький городок.

Олененок был размером с небольшую собаку, с чисто-белой шерстью, тонкими копытами, слезящимися круглыми глазами и двумя маленькими серебристыми шишками на макушке.

— Небольшой порез, не достигающий даже кулака, только что появился на верхушках двух хрупких маленьких рожек.

Олененок чутко затрепетал ушами и побежал по пустым улицам, его копыта издавали очень мягкий стук, роняя на снег длинную цепочку маленьких цветков сливы.

...

Лунный свет проникал сквозь оконное стекло, окропляя интерьер слоем холодной белизны.

На кровати у стены лежали два рулона покрывал, и дедушка Цай и Лу Жун крепко спали.

Темные ресницы Лу Жуна затрепетали, и его глаза медленно открылись. Он повернул голову, чтобы осмотреться, прислушался к храпу дедушки и был взволнован и взбудоражен, когда понял, что сам вышел из своего сна.

Жаль только, что он не мог сказать дяде Баю и Ван Ту, что наконец-то сам нашел свет и выбежал наружу. Ночь была тихой, и за окном слышался шорох падающего снега. Лу Жун удовлетворенно перевернулся на другой бок и снова заснул.

Каждый день дедушка Цай возил Лу Жуна посмотреть, где произошел оползень, говоря ему, чтобы он не волновался и что дорогу отремонтируют, когда прекратится снегопад, тогда он сможет спуститься обратно.

Лу Жун очень послушно кивнул головой и сказал ему, что не торопится.

Он боялся, что учитель рассердится, но теперь он был равнодушен к этому.

Кроме того, теперь это было так весело, что ему не нужно было каждый день ходить в детский сад. Утром дедушка Цай поднимал его с кровати, кормил двумя яйцами и снова уложил спать. Когда он просыпался, дедушка Цай нес его в сельсовет, останавливаясь и разговаривая со взрослыми, которых встречал по пути.

Взрослые давали ему сладкий жареный батат или горсть хрустящего жареного арахиса из своих карманов.

Дедушка Цай поймал маленького желтого щенка и попросил дать ему имя. Он долго и упорно думал об этом, и дал маленькому желтому щенку торжественное имя Сяогао (1).

(Сяогао [xiǎo gǒu] — щенок. Мне показалась, что на русском бы это звучало глупо поэтому я выбрала китайский вариант имени.)

Пока взрослые сидели вокруг дома сельского совета и читали газеты, он гонял щенка кругами по двору.

Периодически дедушка Цай покупал еще много вещей в деревенском киоске.

У Лу Жуна был дополнительный комплект хлопчатобумажной куртки, осенней одежды и брюк, а также его собственное маленькое полотенце и маленький деревянный тазик. Он надел вельветовую хлопчатобумажную куртку и штаны кофейного цвета, округлые и пуховые, надел хлопчатобумажную шапку, которая закрывала уши всех местных детей, схватил Сяогао и последовал за мальчиком-яйцом, который пришел за ним, чтобы посадить окатило (2) и скосить коровью траву (3) вместе с ним.

(Окотилло— растение с ярко-малиновыми цветами, обычно растущие в пустыне. Можете глянуть, как по мне цветочки у них выглядят красиво.

Коровья трава, как я поняла имеется в виду коровяк.)

Зимой нигде не было зеленой травы, только разновидность травы, предназначенная для скота, которая все еще росла пышно, с пучками зелени на снегу, прорастая неглубоко. Лу Жун стоял на краю площадки со своим щенком на руках, наблюдая, как они убирают снег и подстригают траву.

Он подумал про себя: Эта трава выглядит очень аппетитно, но я не осмелюсь превратиться в олененка.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14910/1326834>